

ФЕДОР
РОСТОПЧИН

ЗАПИСКИ
О 1812 ГОДЕ

RUGRAM

Москва
2025

УДК 355/359
ББК 68.4
Р78

Ростопчин Ф.В.

Р78 Записки о 1812 годе. — М. : RUGRAM, 2025. — 126 с.

ISBN 978-5-517-13471-4

«Каждый день ложились спать утомленными, чтобы проснуться в беспокойстве.»

«Я не хотел лишать его счастья служить, защищать свое отечество и гордиться этим весь остаток дней своих, если бы мы остались победителями, — или же погибнуть вместе, если б мы были побеждены и покорены.»

«Я не оглядывался, чтобы не смущаться тем, что прошло. Глаза закрывались, чтобы не видеть ужасной действительности, и приходилось отступать назад перед страшной будущностью.»

УДК 355/359
ББК 68.4
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-13471-4

© RUGRAM, оформление, 2025
© Т8 Издательские технологии,
оформление, 2025

Четыре года, протекшие со времени Тильзитского мира, совершенно изгладили те прискорбные впечатления, которыми поражены были умы после последней войны. Перестали уже бояться и верить в возможность новых наступательных действий со стороны Наполеона. Публика, приняв на веру все, что могло льстить ее самолюбию, успокаивалась надеждами на силу империи, на отвагу войск и, в особенности, на отдаленность и климат России — две преграды, через которые Наполеон никогда не осмелится перешагнуть. Каждое отдельное лицо обладало своею системою обороны, своим планом охранения безопасности; в каждой семье имелся собственный герой, созданный чванством, враньем, легковерием и пристрастием к чудесному. Немного было людей, признававших, что все выгоды Тильзитского мира были на стороне Наполеона, так как он вынудил признать себя императором, предписывал законы Европе, возводил в звание королей, оставил прусскому королю один титул и, восторжествовав над второю коалициею, с двойным ореолом славы возвратился во Францию еще более могущественным, нежели ее оставил, питая враждебные замыслы против России,

силу которой он испытал. Счастливая звезда спасла его. Он заключил Тильзитский мир в момент истощения своих ресурсов, когда стоял во главе армии силою всего в семьдесят тысяч человек и когда вся Европа подстерегала лишь минуту для довершения его гибели. Между тем Россия, полагая конец войне, имела подкрепления, которые в течение трех месяцев довели бы силу ее войск до ста пятидесяти тысяч человек. Фриланское сражение разрушило все предположения русских. Император российский хотел мира во что бы то ни стало. Генералы, недовольные своим начальником, утратили доверие к нему; а солдаты, утомленные нерешительной и несчастной войной, дрались неохотно. Сам Бенингсен, истомленный усталостью, вздыхал по отдыхе для того, чтобы изготовить историю своих подвигов и приказать выбить медаль с собственным изображением на одной стороне ее, а на другой — с надписью: «победитель непобедимого».

Наполеон, заключив мир в Тильзите, предоставил России нести бремя двух войн: со Швецией и с Турцией. Через год после этого он вызвал разрыв с Англией. Шведская война, к большому неудовольствию Наполеона, закончилась миром в Або, отдавшим России всю Финляндию с Аландскими островами и важной крепостью Свеаборг. Война с турками все продолжалась; при каждой кампании назначали нового главнокомандующего, но результатов никаких не достигали. Турецкие армии были разбиваемы всякий раз, когда они ри-

сковали на бой в открытом поле; но по приближении зимы наши опять уходили за Дунай. Каждый новый главнокомандующий составлял новый план кампании, целью которой являлось заключение мира; а между тем в России, при конце каждого лета, изумлялись, не видя еще наших знамен в Константинополе, — потому что мы любили преувеличивать численность войск и уверять себя в том, что каждый генерал равен Суворову. Война с Англией не стоила нам ничего в отношении потери людей, но она уничтожила торговлю и на двести семьдесят процентов понизила цену ассигнаций. Произошло только одно морское сражение, близ Аландских островов, в котором из-за ошибки русского адмирала потерян был один корабль. Он был отрезан от эскадры, ни за что не хотел сдаться и дрался отчаянно. Англичане, забрав в плен немногих оставшихся на нем людей, отослали их к русскому вице-адмиралу, а корабль зажгли.

Между тем обширные передвижения наполеоновских войск и слухи, возвещавшие близкую войну, снова подняли у нас ту тревогу, которую Тильзитский мир передал было государствам, соседним с Францией. Сознание безопасности уступило место беспокойству. Обращались друг к другу с расспросами, требовали известий; говорили: «Что же, Наполеон с ума, что ли, сошел? Покорить Россию, что ли, он хочет?» Публика волновалась, старалась проникнуть в будущность. Каждый день

ложились спать утомленными, чтобы проснуться в спокойствии.

В то же время правительство распространяло о наших армиях преувеличенные сведения, судя по коим они должны были с самого начала войны не только дать отпор намерениям противника, но и легко victorious над ним. Старые бабы возопили и стали высказывать опасение, разделяемое и людьми разумными, относительно необеспеченности пребывания в Москве, в виду могущих возникнуть беспорядков, мятежа и резни дворян. Мотивы этих опасений, несколько преждевременных, указывали на недостаток доверия к правителю города, фельдмаршалу Гудовичу. То был честнейший в мире человек, достигший фельдмаршальского звания благодаря тому, что всю жизнь провел на службе, не имевший за собой никакой военной репутации, необразованный, ограниченного ума, кичившийся своим чином и местом, вполне состоявший под властью и влиянием своего брата и своего врача — двух бесстыдных плутов, которые думали лишь об извлечении всевозможных выгод из того влияния, которое они имели на престарелого фельдмаршала.

При таком состоянии России накануне войны, долженствовавшей либо обеспечить за нею торжество, либо сковать ей цепи, я решился поехать в Петербург, чтобы предложить свои услуги государю, — не указывая и не выбирая какого-либо места или какой-нибудь должности, а с тем лишь, чтобы он дозволил мне состо-

ять при его особе. Единственному сыну моему только что исполнилось семнадцать лет. Государь, приезжая в 1809 г. в Москву, был столь милостив, что назначил его камер-пажом. Я не хотел лишать его счастья служить, защищать свое отечество и гордиться этим весь остаток дней своих, если бы мы остались победителями, — или же погибнуть вместе, если б мы были побеждены и покорены.

Государь принял меня очень хорошо. При первом свидании он мне долго говорил о том, что решился на смерть воевать с Наполеоном, что он полагается на отвагу своих войск и на верность своих подданных. Он принял предложение мое состоять при его особе. Сын мой произведен поручиком в гусары, и я оставался четыре недели в Петербурге, часто видя государя или за его обеденным столом, или в его кабинете.

Через пять дней после моего прибытия г. Сперанский, к великому изумлению всего общества, был выслан из столицы. Так как он пал жертвою темной интриги, никогда порядком не разъясненной, то исчезновение его подавало право предполагать, что открыта измена. Этот Сперанский был сыном сельского священника и учился в семинарии. Одаренный большим умом и легкостью письменного изложения, он выработал себе такой слог, который обратил на него внимание. Состоя в звании секретаря, последовательно, при нескольких министрах юстиции, он, при восшествии на престол императора Александра, был возведен в статс-

секретари и удостоен высочайшего доверия; ему поручено было редактировать новый кодекс, равно как все акты, указы и рескрипты, исходившие из кабинета государя. Когда его сослали в Нижний Новгород, он был уже тайным советником и кавалером ордена св. Александра Невского. Общество, которым он себя окружил, и явное покровительство, оказываемое им лицам своего сословия, навлекли на него ненависть дворянства, с удовольствием узнавшего о его падении. Низвержение его приписывали В. К. К. и кн. О. — да и меня заставили играть роль в этой истории — меня, который был одним из наиболее изумленных, когда узнал на другой день о его высылке. Я полагаю до сих пор, что Сперанский был удален по наговорам гг. Балашова и Армфельда, пожертвовавших им в удовлетворение мнимого общественного мнения. Оба названные господина, пользовавшиеся в эту эпоху большим доверием, хотели утвердиться еще более в своем положении, удалив соперника, опасного для них по своим способностям и по привычке государя к его работам. Между тем фактическое последствие злоязычия было, к несчастью, таково, что Сперанский прослыл за преступника, за предателя своего царя и отечества и что люди простого сословия заменяли его именем имя Мазепы, которое есть эпитет изменника.

По прошествии двух недель со времени моего прибытия в Петербург, который я должен был оставить через неделю для отъезда в Москву, а оттуда в Виль-

ну, в главную квартиру его величества, государь, после обеда, позвал меня в свой кабинет и, сказав несколько приветливых слов, предложил мне место московского генерал-губернатора, причем особенно напирал на важность этого поста при настоящих обстоятельствах и на пользу, доставляемую моей службой. Так как я все не ожидал такого предложения, то стал говорить о трудностях, соединенных с этим местом, и, наконец, попросил перед тем, чтобы решиться, дать мне один день на размышление. Государь согласился на это.

В тот же день я видел В. К. К. и кн. О., который сказал мне, что государь накануне приезжал провести с ними вечер и выражал, что затрудняется в выборе преемника фельдмаршалу Гудовичу, которого не хотел оставлять на занимаемом месте, по причине его старости и слабости. В. К., относившаяся ко мне всегда весьма добродушно и дружелюбно, назвала ему меня, и государь тотчас же решился и благодарил ее за эту мысль, которую назвал счастливою. Узнав, что я отказываюсь от этого поста, В. К. и кн. О. начали настаивать на принятии мною места, становящегося самым важным в России во время войны. В. К., будучи живого характера, даже немножко рассердилась, когда я заявил, что предпочел бы сопровождать императора в момент, когда всем благородным и честным людям следует быть около его особы. На другой день я отправился к государю, чтобы извиниться перед ним и просить о принятии во внимание причин, по которым я отказываюсь от места

московского генерал-губернатора. Государь стал настаивать, наговорил мне кучу комплиментов, прибегнул к ласкательству, как то делают все люди, когда они нуждаются в ком-нибудь или желают чего-либо, а наконец, видя, что я плохо поддаюсь его желанию, прямо сказал: «Я того хочу». Это уже было приказанием, и я, повинаясь ему, уступил. Так как лица, которых считали нужными, в большинстве случаев ломались и, ничего еще не сделав, желали оценки их будущих трудов, просили денежных наград, лент, чинов и т. п., то я взял на себя смелость потребовать от государя, чтобы мне лично ничего не было дано, так как я желал еще заслужить те милости, которыми августейший его родитель, в свое царствование, осыпал меня; но, с другой стороны, просил принимать во внимание мои представления в пользу служащих под моим начальством чиновников. Нет надобности говорить, что на просьбу эту последовало милостивое согласие, — так легко ничего не давать и не ломать головы над придумыванием, чем бы можно было удовлетворить того или другого человека, часто для того, чтобы сделать его неблагодарным.

В течение последних дней, проведенных мною в Петербурге, я два раза приходил работать с государем. Я представил ему на воззрение несколько имевшихся в виду перемен и проектов. Он все одобрил и ни за что не хотел давать мне особой инструкции. Место генерал-губернатора Москвы почти независимо. В руководство он должен принимать лишь правила управления, уста-